

УМИРАЮ, СЛЕДОВАТЕЛЬНО, СУЩЕСТВУЮ: ОБРЕТЕНИЕ СЕБЯ В ОТСУТСТВИИ МИРА В РАЗЛИЧНЫХ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯХ СМЕРТИ

Е. С. Григорьева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, ИНИОН РАН

Поступила в редакцию 4 сентября 2024 г.

Аннотация: в рамках настоящей статьи будут рассмотрены два подхода к концептуализации смерти. Оба подхода роднит единый магистральный тезис: умираю, следовательно, существую. Смерть в каждом из примеров будет связываться с обретением себя в отсутствии мира. Совершенно неопределимый момент смерти является достоверным, причем достоверность эта многократно превосходит всякую другую достоверность. Раздел статьи, посвященный воззрениям М. Хайдеггера относительно смерти, будет носить название «Мир, конечность и одиночество...» и отсылать к смыслообразующему тезису автора, гласящему, что смерть ставит человека в позицию тотального одиночества, являющегося шагом к субъективации субъекта. Именно обнаруживая себя как смертного, я обнаруживаю, что не являюсь просто безличным и незнакомым человеком, но являюсь прежде всего собой. Страх смерти здесь заставляет меня ощутить собственную уникальность. Схожая интуиция, согласно нашему мнению, будет себя обнаруживать в тексте Ж. Деррида, посвященном тематике конечности человеческой жизни, а именно в работе «Дар смерти». В части статьи, озаглавленной как «Обретение себя в отсутствии мира» речь пойдет о взгляде автора на возможность обретения человеком самого себя, осуществляемого в горизонте ухода мира.

Ключевые слова: смерть, конечность, М. Хайдеггер, Ж. Деррида.

Abstract: this article will examine various approaches to the conceptualization of death. Each approach has one main thesis in common: I die, therefore I exist. Death in each example will be associated with finding oneself in the absence of the world. The completely indefinable moment of death is reliable, and this reliability exceeds all other reliability many times over. The section of the article devoted to M. Heidegger's views on death will be called «The World, Finitude and Solitude...» and will refer to the author's meaning-forming thesis, which states that death places a person in a position of total solitude, which is a step towards the subjectification of the subject. It is by discovering myself as mortal that I discover that I am not just an impersonal and unfamiliar person, but am first and foremost myself. The fear of death here makes me feel my own uniqueness. A similar intuition, in our opinion, will be revealed in the text of J. Derrida, dedicated to the theme of the finitude of human life, namely in the work «The Gift of Death». In the part of the article entitled «Finding Oneself in the Absence of the World» we will talk about the author's view on the possibility of a person finding himself, carried out in the horizon of the departure of the world.

Key words: death, finitude, M. Heidegger, J. Derrida.

Человек существует под знаком утраты. Мы знаем смерть как постоянно случающееся происшествие: незнакомые люди умирают ежедневно и ежечасно. Сталкиваясь со смертью, мы часто думаем, что человек смертен, но сам я пока не задет. И в этом простом «человек смертен» смерть не представляет угрозы, ведь этот человек – кто-то безличный и незнакомый. Дыхание смерти растворяется в жизни. Смерть прячется. И мы прячемся от нее.

В рамках настоящей статьи будут рассмотрены различные подходы к концептуализации смерти, каждый из которых роднит единый магистральный тезис: умираю, следовательно, существую. Смерть в каждом из приведенных в тексте примеров связыва-

ется с обретением себя в отсутствии мира. Совершенно неопределимый момент наступления смерти является достоверным, причем он обладает такой достоверностью, которая многократно превосходит любую другую достоверность, какую мы можем себе представить. Для нас достоверно, что мы умрем собственной смертью. И достоверность эта никак не снимает неопределенности смерти, равно как неопределенность не разрушает достоверности. Полагаясь как взаимосвязанные, они, скорее, усиливают друг друга.

Мир, конечность и одиночество: случай М. Хайдеггера

М. Хайдеггер является, безусловно, одним из главных теоретиков смерти – философского сюжета,

во многом ознаменовавшего способы философствовать в XX в. Ему необходимо было найти исходную целостность и исходную интерпретацию Dasein. Нужно было найти присутствие как целое. Когда он говорит про целостность Dasein, он говорит об индивидуации. Смерть как то, что может субъективировать и индивидуировать, привести к аутентичности.

Dasein открыт в будущее, разомкнут в свои возможности. «Набросок смысла бытия вообще может осуществиться в горизонте времени» [1, с. 232]. У присутствия есть какая-то временность, на основании которой возникает понимание времени. Всегда важнейшим для Хайдеггера является будущее. Забегание же в смерть есть *предельное будущее*. Любая разомкнутость в будущее имеет предельный горизонт. И таким предельным горизонтом оказывается горизонт смерти. Смерть буквально переводит человека из Dasein – сущего, наделенного особым статусом, – в статус наличного [там же, с. 238].

В повседневности мы обнаруживаем себя как бытие между рождением и смертью. Здесь мы часто понимаем себя исходя из того, чем мы озабочены. Человек «есть» то, чем он занят: он может быть инженером, может быть представителем любой другой профессии, которую выполняют многие другие люди. Он может быть, иными словами, в той или иной степени заменим. Однако в контексте смерти дела обстоят иначе. Никто не может снять с человека его умирание. Можно пойти за другого человека на смерть, но смерть при этом будет принята самим идущим. Смерть, поскольку она есть, всегда моя, и именно означает бытие всегда моего присутствия. Мы не можем перепоручить это дело.

И это, пожалуй, единственное дело, которое мы не можем перепоручить.

И умрет при этом совсем не инженер, не студент, не кто-то другой, а именно сам человек. Это то, что радикально индивидуализирует. Здесь показательны, к примеру, слова о том, что «смерть не индифферентно принадлежит лишь своему присутствию, но обращена к нему как к одинокому» [там же, с. 263]. Только смерть может обратиться к человеку как к абсолютно одинокому присутствию. Как к тому, рядом с кем никого не может быть. Для Хайдеггера этой предельной проброшенностью человека в будущее пронизана буквально всё: с этим ничто связана вся его жизнь. Это ее предельный горизонт. И этот горизонт принадлежит только одному человеку. Я могу лежать рядом с умирающими, но умирать буду только я, остальные – превращаться в наличное. Показателен и его пример с погребальными обрядами: ушедший из жизни ушел и покинул наш мир, оставшиеся могут с ним побыть. Они будут пребывать, но сам умерший пребывать уже не будет. В этом смысле смерть в качестве остаточного продукта дарует предельное одиночество. Даже в

том аспекте, что люди будут рядом с ушедшим, с его телом, они будут продолжать пребывать с ним. Но сам ушедший останется один.

Смерть ставит человека в позицию тотального одиночества. И именно поэтому она описывается как всегда свое присутствие, которое не может быть отдано или делегировано другому.

В этом контексте показательны многие культурные отсылки, одной из наиболее известных из которых является, безусловно, «Смерть Ивана Ильича» Л. Толстого и экранизация этого произведения – фильм «Жить» А. Курасава. В горизонте смерти в обоих случаях герои обретали подлинное существование, избавлялись от наносного и незначительного.

Иван Ильич понимал, что сейчас уйдет из жизни. И это понимание вызывало в нем отчаяние – невыносимо страшно представить себя навсегда ушедшим. Показательны слова: «В логике Кизеветера главный герой его произведения учился простому силлогизму: Кай – человек, люди смертны, поэтому и Кай смертен. Но силлогизм этот казался ему справедливым только по отношению к Каю, но никак не к нему самому» [2, с. 75–76]. Разве Кай – тот безличный и незнакомый – так любил, дружил, чувствовал? Разве проживал он ту жизнь, которую прожил Иван Ильич, умирающий прямо здесь и сейчас?

Здесь связывается воедино абсурдность мысли о смерти и острое чувство собственной отделенности от «людей вообще», от тех, кого мы не знаем. Мысль о смерти, страх этой смерти – то, что обособляет человека от всех других, заставляет его прийти к самому себе. Можно заключить, что важнейшим шагом к обретению субъектом самого себя становится переживание своей смертности.

Архимандрит Софроний (Сахаров), к воспоминаниям которого обращается А. Ямпольская в работе «Искусство феноменологии» [3], пишет, что его умирание принимало характер исчезновения того, что он знал, с чем был бытийно связан. В нем, умирающем, «умирало и всё то, чем было охвачено сознание: окружающие люди, их чувства и эмоции, весь исторический контекст, всё беспредельное пространство» [там же, с. 286]. Всё бытие поглощалось пустотой и тьмой забвения. Смерть здесь описывается в терминах растраты смысла.

Однако именно эта грядущая растрата смысла, моя смерть делает необратимым и, тем самым, реальным, всё то, что происходит со мной, лишает его оттенка иллюзорности. Наступление смерти дарует в качестве своего прощального подарка дар обретения субъектом самого себя в качестве единичного и уникального.

Горизонт наступления предельной оставленности, одиночества открывает перед ними возможность обретения субъективности. Возможность того, что

Ж. Деррида в тексте «Дар смерти», посвященному кончине Я. Паточки, формулировал как «Мир уходит, и я, наконец, обретаю самого себя» [4]. Обращение смерти к человеку как к одинокому в этих случаях дарует в качестве своего остаточного продукта обретение самого себя, парадоксальное чувство жизни в близости своего ухода.

Степень же предельного одиночества в горизонте наступления смерти можно продемонстрировать на примере произведения «Погребенный великан» К. Исигуро [5]. В книге два пожилых человека ищут своего сына. Им рассказывают, что есть некий остров, куда можно приплыть и увидеться с ребенком, но проблема в том, что остров этот настолько гигантский, что там тяжело будет кого-то отыскать. Единственный способ прибыть туда вместе – переправиться на лодке. Однако лодочник, призванный помочь с переправой, очень коварен. В финале один из героев уплывает на остров, а другой стоит и ждет его, но ничего больше не происходит. Книга на этом обрывается. Даже если остров существует, ты не сможешь на него попасть с кем-то. Даже если тебе бесконечно обещают, ты не сможешь попасть туда в компании другого. Возможность оказаться на этом острове – наиболее своя. И только своя.

Приведенный пример еще раз демонстрирует: нельзя поделить с другим собственной смертностью. А значит она составляет ядро «моего собственного» бытия, мою наиболее собственную возможность. Что остается от этой тьмы забвения? Смерть затрагивает нас, как было продемонстрировано в только что приведенном примере, как не-смысл. Как то, что принципиально не может быть осмыслено.

Обретение себя в отсутствии мира: случай Ж. Деррида

Обращение к смерти знаменует две теоретические работы Деррида, а именно «Дар смерти» и «Апории».

Текст «Дар смерти» является лекцией 1990 года. Ее оригинальное название на французском имеет много возможных коннотаций, одна из которых отсылает к тематике дара. Однако другие возможные интерпретации исходной формулировки *Donner la mort*, как будет подчеркивать Е. Гурко [6, с. 82], ассоциируются с идиоматическим значением французского названия. С одной стороны, оно восходит к самоубийству, с другой – к насильственному лишению жизни. В прямом же переводе значение таково: убийство. Так или иначе, все названные другие коннотации отсылают к тематике смерти. На некоторую неоднозначность в формулировке Деррида идет, по-видимому, намеренно: текст автор посвящает философу Яну Паточке, погибшему в 1977 г. насильственной смертью.

Смерть внезапна в своем наступлении и наступлением этим она обнаруживает ту единственную

ситуацию существования, в которой возможным оказывается ответ на вопрос «что есть человек?». Сама формулировка этого вопроса обнаруживает постоянное присутствие смерти в человеческой жизни: констатация существования являет собой отсылку к тому, что однажды это существование прекратится. Смерть не может быть передана кому-то другому и разделена с другим.

В «Даре смерти» Деррида прямо указывает на то, что только в смерти, обращенной к человеку как к одинокому, возможен ответ на вопрос «что есть человек?» Смерть не может быть передана кому-то другому, не может быть «перепоручена», а потому в ее горизонте человек оказывается уникальным. Деррида, как мы можем наблюдать, прямо обращается в этом отрывке к интерпретации смерти М. Хайдеггера. Последний, как мы помним, указывает, что умирание есть нечто такое, что любой и каждый *Dasein* должен осуществить сам, должен взять на себя в положенное время.

Эти две интерпретации сходны в контексте одиночества умирающего, невозможностью поручить другому это дело и, наконец, в рамках возможности обретения человеком самого себя. Опыт смерти, традиционно описываемый как невозможность, всё же сулит хоть какую-то возможность: в данном случае возможность субъективности. Основной продукт смерти – осознание субъектом самого себя, возможность этого обретения.

Вместе с тем Деррида указывает и на другую линию в контексте рассмотрения смерти – на секретность смерти, ее скрытость от человека, того, что можно было бы назвать апорией смерти. Апория смерти состоит в том, что невозможно одновременное присутствие и не-присутствие человека, невозможен и его переход из одного из этих состояний в другое с сохранением инстанции «я» и с констатацией происходящих с ней изменений. Смерть не дает, выражаясь иначе, условия транзитивности: она дана нам только как невозможность.

В приведенной статье были продемонстрированы две линии концептуализации смерти. Одна из них восходила к воззрениям М. Хайдеггера, согласно точке зрения которого смерть представляет «наиболее свою» возможность, однако возможность эта сулит предельное одиночество. Другая восходила к Ж. Деррида и во многом была созвучна с позицией М. Хайдеггера, отсылая к обретению самого себя в горизонте ухода мира. Обе позиции роднил единый магистральный тезис, связанный с возможностью индивидуализации и субъективации в контексте наступления смерти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. М. : Ad Marginem, 1997. 452 с.
2. Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича // Собр. соч. : в 12 т. М. : Книговек, 2015. Т. 10. С. 75–56.
3. Ямпольская А. В. Искусство феноменологии. М. : РИПОЛ классик, 2019. 342 с.
4. Деррида Ж. Дар смерти. URL: <https://predanie.ru/book/219146-dar-smerti/>
5. Исигуро К. Погребенный великан. М. : Эксмо, 2015. 416 с.
6. Гурко Е. Тексты деконструкции. Деррида Ж. Differance. Томск : Водолей, 1999. 160 с.

*Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова, ИНИОН РАН*

*Григорьева Е. С., магистр кафедры онтологии и
теории познания, младший научный сотрудник Отдела
философии ИНИОН РАН*

E-mail: yatak,grig@yandex.ru

*Moscow State University named after M. V. Lomonosov,
INION of the Russian Academy of Sciences*

*Grigorieva E. S., Master of the Department of Ontology
and Theory of Knowledge, junior researcher of the
Department of Philosophy INION of the Russian Academy
of Sciences*

E-mail: yatak,grig@yandex.ru